

Дэн Симмонс

ИЛИОН
♦
ОЛИМП

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 37

Dan Simmons
ILIUM
Copyright © 2003 by Dan Simmons
OLYMPOS
Copyright © 2005 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Юлии Моисеенко
под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-33081-8

© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2005, 2007
© Е. М. Доброхотова-Майкова,
примечания, 2022, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

А между тем воображенье
Мне шлет иное наслажденье:
Воображение — океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад.

Эндрю Марвелл. Сад
(Перевод Г. Кружкова)

Можно, что хочешь, добыть — и коров,
и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых, —
Жизнь же назад получить невозможно; ее не добудешь
И не поймашь, когда чрез ограду зубов улетела.

Ахиллес в «Илиаде» Гомера
Песнь девятая, 406–409
(Перевод В. Вересаева)

Больное сердце, ждет, чтоб укусить.

Калибан в поэме Роберта Браунинга
«Калибан о Сетебосе»
(Перевод Э. Ермакова, с изменениями)

БЛАГОДАРНОСТИ

Хотя при подготовке к работе над этим романом я обращался ко многим переложениям «Илиады», мне хотелось бы особенно отметить следующих переводчиков: Роберта Фэглса, Ричмонда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чепмена, Роберта Фицджеральда и Аллена Мандельбаума. Их переводы бесконечно красивы, а их талант превосходит мое воображение.

Из тех, чья поэзия и художественная проза на тему «Илиады» помогли в создании этой книги, я должен в первую очередь назвать У. Х. Одена, Роберта Браунинга, Роберта Грейвса, Кристофера Лога, Роберта Лоуэлла, а также Альфреда Теннисона.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернарду Ноксу, Ричмонду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, А. Дж. Б. Уейсу, Ф. Х. Стаббингзу, К. Кереньи и другим членам Гомеровской школы, которых слишком долго было перечислять.

За глубокие замечания по поводу Шекспира и поэмы Браунинга «Калибан о Сетевосе» я признателен Гарольду Блуму, У. Х. Одну, а также издателям «Нортоновской антологии английской литературы». Читателям, желающим глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетевосе» и прочих аспектах личности Калибана, я советую обратиться к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным «Искусством шекспировских сонетов» Хелен Вендлер.

Многие замечания Орфу с Ио, относящиеся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста. Путеводитель по книге „В поисках утраченного времени“».

Читателям, которые захотят подражать Манмуту в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам «Шекспир. Изобретение человека» Гарольда Блума,

«Я и Шекспир. Приключения с Бардом» Германа Голлоба и «Жизнь Шекспира» Парка Хонана.

За подробные карты Марса (до терраформирования) я в большом долгу перед НАСА и Лабораторией реактивного движения. Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной планеты», опубликованная Национальным географическим обществом, под редакцией Пола Рэбурна, с предисловием и комментариями Мэтта Голомбека. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайнтифик Америкэн». Особенно я признателен за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999), «Квантовая телепортация» Антона Цайлингера (апрель 2000) и «Как построить машину времени» Пола Дэвиса (сентябрь 2002).

И наконец, спасибо Клее Ричардсон за подробное объяснение, как построить самодельную плавильную печь с деревянным куполом.

ОТ АВТОРА

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то запросто выстраивали рядом с синими и серыми участниками Войны Севера и Юга бойцов Второй мировой в хаки. Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью». (Еще у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, который бросал гранаты, но они воевали за Патруль времени. Некоторые несоответствия требуют того, что в Голливуде именуют «предысторией».)

Однако в случае «Илиона» я решил по возможности держаться единообразия. Те, кто, как я, заглядывал в великолепный перевод «Илиады» Ричмонда Латтимора (1951), заметят, что *Hektor*, *Achilleus* и *Aias* зовутся здесь *Hector*, *Achilles* и *Ajax* (Большой и Малый). И тут я согласен с Робертом Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты, конечно, далековато ушли от греческого оригинала, но более точные версии звучат так, будто кошка отгрызает комок шерсти. Как указывал Фэглс, никто не может притязать на полное единообразие, а текст читается лучше, если вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское — или даже современное английское — написание имен богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины — Минерва. У Александра Поупа, дивно переложившего «Илиаду» пятистопным ямбом, Юпитер запросто может задать трепку Аресу (не Марсу); моя личная «отрицательная способность» отказывается такое принять. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков одного цвета.

Примечание: тем, кто, как я, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в шпаргалке, советуую заглянуть в список действующих лиц, с. 1355 и далее.

Илионская равнина

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обреченного, гнев, который ахейнам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздраженных и сильных на этом их новом Олимпе; а еще про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощенных собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, разумных и мыслящих, но на людей-не-похожих, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рожденных на Ганимеди, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрожден-сам-того-не-желая, несчастный и мертвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбуш — для друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далеком-далеком прошлом.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Нисколько.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где сам пожелаю. А пожелал я начать ее здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах схолии — там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, —

получаю вызов от Музы, кровожадные цербериды обнюхивают меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит меня к зеленым вершинам Олимпа — это семнадцать миль в высоту по восточному склону, — после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчет предыдущей смены, надеваю морфобраслет, непробиваемые доспехи и с тазером за поясом квитируюсь на вечернюю Илионскую равнину.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город — Илион, или Троя, огромный укрепленный полис Древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили — и все же мне отчетливо видны гордые стены на возвышении, озаренные тысячами факелов и костров, круглые башни, не такие безверхие, как уверял Марло, но все равно исполинские, чуждые, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей — строго говоря, они не «греки», до возникновения этого народа ждать еще две с лишним тысячи лет, но я все равно буду называть их греками — растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне, я всегда отмечал: при всем своем гомеровском величии Троянская война, вероятно, была довольно мелким столкновением — несколько тысяч греков против нескольких тысяч троянцев. Даже самые знающие члены *схольи* (сообщества комментаторов «Илиады», существовавшего две тысячи лет назад), исходя из текста поэмы, делали вывод, что на черных кораблях к этим берегам приплыли не более пятидесяти тысяч ахейцев и других греков.

Так вот, они заблуждались. По нынешним оценкам осаждающих более четверти миллиона. Осажденных, вместе с их союзниками, примерно половина этого числа. Очевидно, каждый герой с греческих островов поспешил на битву — поскольку битва означала грабеж, — захватив с собой воинов, союзников, приближенных, рабов и наложниц.

Зрелище поражает: мили и мили освещенных шатров, частоколов, мили рвов, пробитых в твердой почве, — никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для троянской конни-

цы, — и на всем их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и ярких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для сожжения трупов.

Погребальные костры.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила щупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. За десять дней умерло больше храбрых ахейцев и данайцев, чем за долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки убеждены, что причина бед — ярость Аполлона.

Видел я его — и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Дальноразящий» Аполлон — бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный союзник Трои в нынешней войне. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирили. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел Аполлона, — в одном греки правы: он не желает им доброго здравия.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки — а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? — идут на общий совет у шатра Агамемнона, чтобы обсудить, как избавиться от губительной напасти. Я тоже шагаю туда — медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть отдельные происшествия, смещенные волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, в Авлиде — на берегу пролива между Эвбеей и материковой Грецией. А Эпиполесис, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвертой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и то, что называл в своих лекциях «Тейхоскопия», то есть «взгляд со стены», когда Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев. Тейхоскопия происходит

в третьей песни поэмы, однако в настоящем ходе событий она последовала сразу за высадкой и Эпиполесисом.

Если можно говорить о настоящем ходе событий.

Во всяком случае, сегодня у нас совет в шатре Агамемнона и его ссора с Ахиллесом. Тут начинается «Илиада», и, казалось бы, весь мой профессиональный интерес должен быть направлен на это событие. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и распускают друг перед другом перья. Ну выгащит Ахиллес свой меч... Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать осталось считанные минуты... Мне решительно и бесповоротно на-пле-вать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрежем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали свое дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда В-52 и сбрось атомную бомбу на головы ахейцев и троянцев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои вместе с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь к шатру Агамемнона. Это моя работа — следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе... Что ж, зарплату за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого — до горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой я был воссоздан. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2

Холмы Ардис. Ардис-Холл

Реализовавшись из факса неподалеку от дома Ады, Даэман недоуменно заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец — экваториальном и полярном. Даэман был сбит с толку: в Уланбате, где он недавно праздновал Вторую Двадцатку Тоби, стояло раннее утро,

а здесь... Аду он не навещал уже много лет, да и вообще, отправляясь куда-либо, не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Он помнил лишь, где живут самые близкие друзья, у которых бывал чаще всего: Седман — в Париже, Ризир — в собственном доме на скалах Чом, Оно — в Беллинбаде... Впрочем, Даэман не знал ни расположения материков, ни их названий, не имел понятия о географии или часовых поясах, поэтому не тяготился своим неведением.

И все-таки. С этим факсом он потерял целый день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более дико, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: пермобетонный круг под ногами и узорчатые железные столбы, увенчанные желтой хрустальной перголой, и, разумеется, ближе к центру на столбике всегдашняя табличка с непонятными значками. Больше ничего — только трава, деревья, далекая речка и медленное вращение обоих колец, пересекающихся над головой, словно арматура громадного, медленного гироскопа.

Был теплый вечер, более влажный, чем в Уланбате. Факс-узел стоял на лугу в окружении пологих холмов. Шагах в тридцати ожидала старинная двухместная одноколка, над ее передком парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами стоял одинокий войникс. М-да, за десять лет можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: жить на удалении от факс-узла.

— Даэман-ур? — осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Даэман промычал в ответ и указал на выдавший виды саквояж. Маленький слуга подлетел ближе и, подцепив багаж затупленными бивнями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, покуда гость забирался на сиденье.

— Ждем еще кого-нибудь?

— Нет, вы последний, — отозвался сервитор.

После чего зажуужал, занял полукруглую нишу возницы и звонким щелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зеленой кожи, обхватил ладонями щегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К черту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить ее. Собственно, в этом и заключалось его занятие — прельщать юных женщин. И еще коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Аде было двадцать с небольшим, Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Запрет на кровосмешение давным-давно исчез. Даэман слыхом не слыхивал про «дрейф-генов», а если бы и слышал, то доверил бы лазарету это исправить. В лазарете исправляют все.

Даэман посетил Ардис-Холл десять лет назад с целью оболыстить кухню Вирджинию — из чистой скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войника. Тогда-то он и увидел Аду обнаженной. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжерей для завтраков, он нечаянно оказался рядом с Адиной комнатой. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка рябое зеркало. В мутной поверхности отражалась девушка, обтиравшаяся губкой над тазом. Она была совершенно голой, и лицо ее выражало легкую скуку: как он узнал, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку ее особенностей. Зрелище юной женщины, только-только вышедшей из кокона детской невинности, заворожило Даэмана, которому в ту пору было чуть больше, чем Аде сейчас.

Даже тогда, когда в ее бедрах и грудях с бутонами сосков еще чувствовалась детская пухлость, — на нее стоило полюбоваться. Белая кожа (сколько бы она ни оставалась на солнце, ее лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), серые глаза, малиновые губы, черные волосы — воплощение эротической мечты дилетанта. Культурная модель предписывала женщинам брить подмышки, но юная Ада (и Даэман искренне надеялся, что и нынешняя тоже) обращала на это требование не больше внимания, чем на все прочее. В огромном зеркале тогда (и пришипленное булавкой в коллекционной коробке его памяти теперь) застыло еще детское, но уже роскошное тело, тяжелые бледные груди, молочная кожа, живые глаза, и всю эту белизну оттеняли четыре росчерка черных волос — вопросительный знак выющихся локонов, которые она небрежно подкалывала вверх, когда не играла (а играла она почти все время), пара запятых под мышками и восхитительный, еще не оформившийся в дельту восклицательный знак, уходящий в сумрак между бедрами.

Одноколка несла седока прямо к цели. Даэман блаженно улыбался. Он не знал, отчего Аде вздумалось пригласить его после

стольких лет и даже чью Двадцатку здесь отмечают, но не сомневался, что соблазнит ее до того, как вернется к настоящей жизни: к раутам, долгим визитам и случайным интрижкам с более светскими дамами.

Войникс легко трусил вперед, шуршал под его ногами гравий, ненавязчиво гудели старые гироскопы повозки. В долину тихо заползали вечерние тени, однако узкая дорожка вывела на гребень холма, и гость успел разглядеть половинку заходящего солнца до того, как опять съехал в полумрак, на просторные поля, засеянные каким-то невысоким злаком. Заботливые сервиторы порхали над колосьями, и Даэману подумалось, что они похожи на левитирующие крокетные мячики.

Дорога свернула влево, к югу, пересекла безымянную речушку по крытому деревянному мосту, серпантином поднялась по крутому склону и вошла под своды старого леса. Даэман смутно помнил, что охотился за бабочками в этом древнем лесу вечером того дня, когда увидел в зеркале голую Аду. Тогда он поймал у водопада редкую разновидность траурницы, и в памяти восторг коллекционера смешался с волнением при виде белого девичьего тела и черных волос. Даэман помнил, как глянуло на него отражение Ады, когда та подняла глаза, — без гнева или радости, без стыдливости, но и не бесстыдно, равнодушно и с легким научным интересом. Ада смотрела на охваченного вождением двадцатисемилетнего Даэмана, примерно как сам Даэман разглядывал пойманную траурницу.

Повозка приближалась к Ардис-Холлу. Под древними дубами, ясенями и вязами на вершине было темно, но вдоль дороги горели желтые фонари, а линии цветных огоньков за деревьями, возможно, обозначали тропы.

Войникс выбежал из леса, и впереди открылся сумеречный вид. От сияющего огнями Ардис-Холла на холме расходились во все стороны гравийные дорожки; на четверть мили от дома до следующего леса тянулся луг, вдалеке поблескивала река, ловя догорающий закат, а в просвете между холмами на юго-западе проглядывали другие холмы, заросшие лесом, черные, без единого огонька, за ними — третьи, и так далее, пока темные вершины не сливались с темными тучами на горизонте.

Даэман поежился. До этой минуты он и не вспоминал, что дом стоит рядом с динозавровыми лесами этого континента — уж как

он там называется. Весь прошлый приезд Даэман жил в страхе, хотя Вирджиния, Ванесса и прочие хором уверяли, что на пятьсот миль от Ардис-Холла опасных динозавров нет. (Все, кроме пятнадцатилетней Ады, — она просто смотрела на него изучающим, чуть насмешливым взглядом; позже Даэман узнал, что это ее всегдашнее выражение.) Тогда на прогулку его выманивали только бабочки, теперь не выманят и они. Хотя рядом сервиторы и войниксы, бояться нечего, но мало радости быть съеденным вымершей рептилией, а потом очнуться в лазарете с памятью об этом унижении.

Исполинский вяз на склоне под домом украшали десятки фонарей. Факелы горели вдоль подъездной аллеи и гравийных дорожек из дома во двор. У живых изгородей и вдоль темного леса стояли войниксы-охранники. Под старым вязом был накрыт длинный стол, пламя факелов трепетало на вечернем ветру, и некоторые гости уже сошлись к ужину. Даэман с удовольствием сноба отметил, что большинство мужчин по старинке облачены в грязновато-белые хламиды, бурнусы и парадные накидки землистых тонов: в более значимых кругах, к которым он принадлежал, этот стиль вышел из моды несколько месяцев назад.

Одноколка мягко подкатила к парадному входу Ардис-Холла и остановилась в снопе желтого света из дверей. Войникс распрягся и опустил дышла так бережно, что седок не ощутил ни малейшего толчка. Легкий сервитор подлетел забрать багаж. Даэман радостно ступил на твердую почву: после факса у него до сих пор кружилась голова.

Ада выбежала из двери и бросилась по лестнице ему навстречу. Даэман застыл, глупо улыбаясь. Ада была не просто красивее, чем он помнил; она была красивее, чем он мог вообразить.

3

Илионская равнина

Греческие предводители сошлись у шатра Агамемнона; вокруг полно заинтересованных зрителей, и ссора Агамемнона с Ахиллесом уже разгорается.

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса — не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит

Менесфею. Бедный афинянин болеет тифом и, хотя выздоровеет, чтобы сражаться в песни тринадцатой, сейчас почти не выходит из шатра, стоящего дальше на побережье. Биас — довольно значительная фигура, так что копейщики и зеваки почтительно расступаются, пропуская меня к внутреннему кругу собравшихся. Однако, по счастью, никто не ждет, что Биас примет участие в споре.

Я уже пропустил ту часть драмы, когда Калхас Фесторид, «превосходный гадатель», объявляет ахейцам, из-за чего разгневался Аполлон. Один из военачальников шепчет мне на ухо, что, прежде чем заговорить, Калхас потребовал у Ахиллеса защиты на случай, если народу и царям не понравится его речь. Ахиллес согласился, и Калхас сказал то, что и так отчасти подозревали: жрец Аполлона Хрис умолял вернуть ему пленную дочь, и отказ Агамемнона прогневал бога.

Агамемнон разозлился на Калхасово толкование. «Развонялся, только держись», — со смехом шепчет мой собеседник, дыша винными парами. Если не ошибаюсь, это Ор. Несколько недель спустя он падет от руки Гектора, когда герой-троянец начнет валить ахейцев направо и налево.

Ор говорит мне, что несколько минут назад Агамемнон согласился вернуть пленницу, Хрисеиду («Хоть она и дороже мне собственной жены Клитемнестры!» — крикнул Атрид), но взамен потребовал такую же красивую наложницу. По словам упившегося в стельку Ора, Ахиллес в ответ обозвал Агамемнона корыстолюбцем и напомнил, что у аргивян, то бишь ахейцев, или данайцев — как только не кличут этих окаянных греков! — нет больше для него добычи. Когда-нибудь, если военная удача им улыбнется, пообещал мужеубийца Ахиллес, Агамемнон получит другую девицу, а пока пусть отдаст Хрисеиду отцу и заткнется.

— Тут Атрид поднял такую вонищу, что прямо сил нет! — Ор смеется во все горло, и несколько военачальников строго оборачиваются на нас.

Я киваю и внимательно смотрю вперед. Агамемнон, как обычно, в центре событий. Вот уж поистине прирожденный лидер — рослый, статный, борода завивается классическими колечками, брови полубога строго сведены над пронзительными глазами, умащенный маслом мускулистый торс облачен в изысканнейшие одеяния. Точно напротив него, посередине круга, стоит Ахиллес.

Моложе, сильнее и даже красивее Агамемнона, Ахиллес почти не поддается описанию. Еще когда я впервые увидел его на смотре кораблей более девяти лет назад, то подумал, что передо мной самый богоподобный из множества богоподобных мужей, настолько впечатляли его мощь и величие. С тех пор я понял, что при всем этом Ахиллес туповат — своего рода бесконечно похорошевший Арнольд Шварценеггер.

Ахиллеса и Агамемнона окружают герои, лекции о которых я читал всю мою другую жизнь. Во плоти они ничуть не разочаровывают. Подле Агамемнона — но в закипающей ссоре явно не с ним — стоит Одиссей. Он на целую голову ниже Атрида, зато шире в груди и плечах и потому среди прочих греческих вождей кажется бараном среди овец. Ум и хитрость видны в его глазах и отпечатались в морщинах обветренного лица. Я ни разу не говорил с Одиссеем, но надеюсь поговорить до того, когда война закончится и он отправится в путешествие.

По правую руку от Агамемнона — младший брат Менелай, муж Елены. Жаль, что мне не дают доллар всякий раз, когда кто-нибудь из ахейцев вякает, что, мол, будь Менелай искуснее в постели («Был бы у него побольше», — сказал Диомед приятелю три дня назад, я стоял рядом и слышал), Елена не сбежала бы с Парисом в Илион и греческие герои не убили бы последние девять лет на эту треклятую осаду. Слева от Агамемнона стоит Орест — нет, конечно же, не избалованный наследник, тот оставлен дома, хотя в свое время отомстит за отца и заслужит отдельную трагедию, — а его тезка, верный копьеносец. Он падет от руки Гектора при следующей большой вылазке троянцев.

Рядом с Орестом я вижу Еврибату — вестника Атрида, не путать с Еврибатом — глашатаем Одиссея. Бок о бок с ним стоит Птолемеяев сын Эвримедон, красивый юноша, возница Агамемнона — не путать с куда менее красивым Эвримедоном, возницей Нестора. (Здесь я порою думаю, что охотно заменил бы все эти славные патронимы на несколько простых фамилий.)

К великодержавному Атриду присоединились нынче вечером предводители саламитов и локров — Большой и Малый Аяксы. Эти двое только именами и схожи: если один похож на белого полузащитника из Национальной футбольной лиги, то второй больше смахивает на карманника. Третий по значимости вождь аргивян Эвриал ни на шаг не отходит от своего босса Сфенела, кото-

рый так ужасно шепелявит, что не может произнести собственное имя. Друг Агамемнона и главный военачальник аргивян, прямодушный Диомед тоже здесь. Сегодня он не весел, стоит, скрестив руки на груди, и смотрит в землю. Старец Нестор — «громогласный вития пилосский» — наблюдает за разгорающейся ссорой, и лицо у него еще мрачнее, чем у Диомеда.

Если все пойдет по Гомеру, через несколько минут Нестор произнесет знаменитый монолог, в котором безуспешно попытается пристыдить Агамемнона и Ахиллеса, пока их распря не сыграла на руку троянцам. И надо признаться, мне хочется его послушать. Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами. Меня всегда интересовали кентавры, и у Гомера Нестор говорит о них как о чем-то обыденном, а ведь во всей «Илиаде» из мифических существ упомянуты лишь они и химера. Пока же, в ожидании речи, я стараюсь не попасться Нестору на глаза, поскольку Биас, чей облик я принял, его подчиненный, и я не хочу, чтобы меня втянули в разговор. Впрочем, сейчас этого можно не опасаться: Нестор, как и остальные зрители, целиком занят перебранкой Агамемнона и Ахиллеса.

Возле Нестора, не примыкая ни к одному из вождей, стоят Менесфей (согласно Гомеру, Парис убьет его недели через две), Евмел (вождь фессалийцев из Феры), Поликсен (сопредводитель рати эпеев) с приятелем Фалпием, Фоас (военачальник этолийцев), Леонтей и Полипет в одеяниях, типичных для их родной Аргиссы, а также Махаон и его брат Подалирий (за чьей спиной выстроились фессалийские командиры пониже рангом), дражайший друг Одиссея Левк (обреченный через несколько дней погибнуть от пики Антифа) и прочие герои, которых я за долгие годы научился узнавать не только в лицо, но даже по манере сражаться, бахвалиться и приносить жертвы богам. На случай если я еще этого не упомянул, собравшиеся здесь древние греки ничего не делают вполсилы — они в любом деле выкладываются на всю катушку, «с полным принятием рисков», как выразился один ученый в двадцатом веке.

Напротив Агамемнона, справа от Ахиллеса стоит его ближайший друг Патрокл (чья смерть от руки Гектора вызовет Гнев Ахиллеса и величайшую бойню в военной истории). Здесь же Тлиполем, сын мифического Геракла, убивший дядю своего отца и бежавший из дома (этому молодому красавцу суждено пасть от копья

Сарпедона). Между Патроклом и Тлиполемом старик Феникс (добрый друг Ахиллеса и его бывший наставник) шепчется с Орсилохом Диоклидом, которого скоро убьет Эней. По левую сторону от разъяренного Ахиллеса стоит Идомей; из поэмы я не знал, что они такие близкие друзья.

Само собой, ахейцев во внутреннем круге гораздо больше. Я уже молчу о бесчисленной толпе за своей спиной, но ведь картина и так ясна, правда? Как в эпосе Гомера, так и в повседневной жизни на Илионской равнине безымянных героев нет. Каждый из них таскает за собой собственную историю, родину, отца, жен, детей и движимое имущество, прибегая к их помощи в риторических и военных стычках. Одного этого хватит, чтобы доконать простого гомероведа.

— Что ж, богоравный Ахиллес, вечно плутующий в кости, на поле сраженья и с бабами, теперь ты решил сплутовать со мной! — кричит Агамемнон. — Да только не выйдет! Ты получил невольницу Брисеиду, которая не уступает красой моей Хрисеиде. Ты, значит, сохранишь добычу, а мне прикажешь сидеть с пустыми руками? Не на такого напал! Да я лучше передам бразды правления... вон хоть Аяксу, или Идомею, или многомудрому Одисею... или тебе... да, тебе... чем позволю так себя надуть!

— Валяй, передавай! — скалится Ахиллес. — Нам и впрямь нужен достойный предводитель!

Агамемнон багровеет.

— Отлично. Спускайте на море черный корабль с гребцами, возьмите Хрисеиду, если посмеете... Жертвы, о Ахиллес-мужеубийца, ты вознесешь сам. Но знай, я без добычи не останусь. Твоя прелестная Брисеида возместит мне потерю.

Красивое лицо Ахиллеса кривится от ярости.

— Наглец, одетый в бесстыдство и погрязший в алчности! Трусливая собачья образина!

Агамемнон делает шаг вперед, бросает жезл и берется за меч.

Ахиллес тоже делает шаг вперед и сжимает рукоять меча.

— Троянцы не причинили нам зла, Агамемнон, но причинил ты. Не троянцы, а твоя алчность привела нас к этому берегу. Мы сражаемся за тебя, бесстыжая морда, чтобы вернуть честь тебе и твоему братцу, который не сумел удержать в спальне свою жену...

Симмонс Д.

С 37 Илион ; Олимп : романы / Дэн Симмонс ; пер. с англ. Ю. Моисеенко ; под ред. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1376 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33081-8

Современный классик Дэн Симмонс — прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, — масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь против олимпийских богов, пользующихся всеми чудесами нанотехнологии и посылающих воскрешенных ученых-схолистов наблюдать за ходом Троянской войны, объединяются греки и троянцы; здесь разумные роботы-моравеки, отправившись от лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждают в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста — а затем, прихватив с собой Одиссея собственной персоной, летят к почти обезлюдевшей Земле на ядерно-импульсном корабле «Королева Маб», срочно построенном на Фобосе по передовому слову земной науки 1950-х годов; здесь в имение Ардис-Холл, намереваясь соблазнить юную Аду, прибывает некий собиратель бабочек, а шекспировский Просперо путешествует эйфельбаном от Эвереста до Атлантической Брешии...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЭН СИММОНС

ИЛИОН

•

ОЛИМП

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.06.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 84,28. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШПҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШПҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-42428-01-R